

Андрей ПЕРМЯКОВ

ВОТ И ПОГОВОРИЛИ

Данил Файзов, Юрий Цветков. Часть жизни. – М.: Совпадение, 2021. – 120 с.

В январе 2021 года группе «Культурная инициатива» исполнилось 17 годиков. Стало быть, Данил Файзов и Юрий Цветков именно столько лет *«вместе ведут вечера, устраивают фестивали, занимаются сайтом, продают хорошие книги хорошим людям...»*. Цитата взята из предисловия Наталии Азаровой к совместной книге упомянутых авторов, и дополнить цитату можно лишь упоминанием ещё одного существенного аспекта деятельности Юрия и Данила. С 2017 года они издают материалы премии «Московский наблюдатель»¹. То есть отзывы на литературно-критические вечера, проходившие в разные годы. В первых двух томах представлены заметки о событиях 2010–2013 гг., и, скажем прямо: это кладёшь. Как минимум – для критика. Очень интересно смотреть, что и как за десять лет переменялось, а какие ценности остались неизменными.

То есть для актуальной литературы коллеги по упомянутому проекту более чем значимы, но с годами как-то уходит в тень главное: создатели «Культурной инициативы» – поэты, а следовательно, этим интересны. Нет, в их организаторской деятельности курируемые литераторы тоже ищут различия, попутно упражняясь в остроумии: «Один культурный, другой инициативный», например. Однако всё это лишь милые шуточки. На собственных и чужих мероприятиях наши авторы со стихами выступают нечасто, книги выпускают ещё реже, публикацией журнальных подборок тоже не злоупотребляют. Оттого составить мнение о сходстве или контрасте их поэтик сложно.

Хотя иногда получается. Наталия Азарова пишет: *«В 2015 году в Кишиневе мне неожиданно довелось вести вечер “Полюса”, где уже Файзов и Цветков превратились из ведущих в участников. И тот опыт возможно вынужденного сопоставления-противопоставления, который случился в тот вечер, мне кажется, и лег в основу идеи этой книги»*.

Вообще, цитировать недежурное предисловие, задающее тон книге, интересно, но мы приведём ещё буквально один фрагмент, позволяющий непосредственно перейти к обсуждению авторских стилистик: *«Основная общая тема поэзии Цветкова и Файзова – это возраст, но решается она по-разному. И дальше я буду развивать идею вечно взрослого и вечно ребенка, вечный ребенок – это, разумеется, Файзов, а вечный взрослый – Цветков. <...> О ребенке Файзове говорит его словарь, в котором пластилин, дети, урок, относятся одновременно и к плану воспоминаний, и актуализируются в настоящем»*.

Верно, но ребёнок у Файзова – собеседник. Один из многих собеседников, один из самых частых собеседников. И наверняка этим ребёнком когда-то был сам поэт. А потом оставил ребёнка в каком-то из компартментов своей обширной души. Ибо с кем-либо не совсем родным сложно говорить языком, подразумевающим абсолютное понимание – на уровне не образов и слов, а на более глубоком: *вот ящерица но чудится что лес*, к примеру. Или: разве может пятикласснику не нравиться лето, а стало быть, летние каникулы? И возраст свой разве может не нравиться? Такой возраст, когда уже свобода, а

---

¹ Московский наблюдатель. Статьи номинантов литературно-критической премии. I сезон / Сост. Д. Файзов, Ю. Цветков; Отв. ред. Д. Бак, Н. Николаева. – М.: Культурная инициатива, Издательство «Литературный музей», 2017. – 416 с.; Московский наблюдатель. Статьи номинантов литературно-критической премии. II сезон / Сост. Д. Файзов, Ю. Цветков; Отв. ред. Д. Бак, Н. Николаева. – М.: Культурная инициатива, Издательство «Литературный музей», 2019. – 344 с.

ещё почти никакой ответственности. Но ведь не нравится. И спать чего-то хочется, хоть это не самое характерное состояние для пятиклассника:

<...>

боже мой думает пятиклассник как хочется спать
скорее бы кончилось это лето
и следующие пять лет

<...>

Автор и персонаж знают друг о друге нечто важное, но нам не скажут. Так нам и не надо. Нам так интереснее. Важен ведь результат. Не сам факт, что *ты это лето больше не увидишь / ты это лето больше не простишь*, а рефлексия по поводу непощения. Своеобразная подготовка к взрослости, когда действительно летом происходит больше неприятностей, чем в любое иное время года: просто из-за того, что летом происходит больше событий. А во взрослой жизни весёлых ситуаций вообще маловато в процентном отношении:

Господи, забери это лето обратно
со всеми делами которые я творил
за одно лишь не стыдно – гулял по улицам
и нашел колечко с зерном граната

<...>

запусти свои руки в мои карманы
найдешь там колечко с пурпурным зерном граната
и просроченный проездной
и скажи мне любимый мой
что еще сделать этому фанту

Тут уж сказано совсем не про малыша и не про детские поступки. Но опять от лица сохранившегося внутреннего ребёнка. Почему так? Да очень просто: каждому же известно, что Бог лучше прислушивается к детям. Он вообще только к ним и прислушивается. Для того и бережём в себе детей.

Но кого слушает взрослый? Вроде бы логичней и разумней слушать себя теперешнего. Опыта накопил больше, стал умнее. Наверное, так. Но вот *слушаться* самого себя, даже очень взрослого, будет, опять-таки, ребёнок. Пусть даже повзрослевший, как в одном из самых запоминающихся стихотворений книги:

не женись ни на ком данечка не надо тебе жениться
даже в порядке пьяного бреда
у тебя в карманах не кончатся крошки птицы
и никакого фрейда

у тебя судьба такая знаешь бухать с поэтами
так и бухай остальное пустое не полное
они по земле ходят смотрят в небо
им никто не ровня

твое дело маленькое пиши данилушка
стихи и называй их стихами

<...>

в общем ты понял не надо тебе жениться
надо тебе спиваться жить на широкую ногу

перелистывать протрезвев страницы
и каждое утро говорить вроде живой слава богу

Параллель очевидна и весьма иронична: так сам с собою разговаривал Веничка, направляясь в Петушки и обратно: уменьшительные суффиксы, алкогольная тематика, литературно-эпические аллюзии. Но Веничка отнюдь не только с собою разговаривал. Круг его собеседников в электричке и около был крайне обширен.

Вот и в стихах Файзова самое приметное – не диалог с внутренним ребёнком, а диалог как таковой. Тотальный, даже нарочитый диалог: это очевидно из уже приведённых текстов. Такого обилия глаголов второго лица практически в каждом тексте трудно припомнить ещё у кого-то из современных поэтов. А кроме них ведь ещё обширно явлены не слишком повелительные глаголы повелительного наклонения: «уточни», «смотри», «останься» – множество.

И глаголы эти – не единственное средство диалога. Цикл «Фанайлова беспокоит» построен на использовании манеры упомянутого автора. Это своего рода разговор на чужом, но не враждебном поле. Разговор, предусматривающий, скорее, уточнение позиций, нежели спор.

Более того: для общения живой собеседник не всегда нужен. Часто разговаривают сущности менее одушевлённые. Порой даже ругаются между собой: *«у тебя все не так говорила москве природа»*.

Собственно же внутренний диалог, происходящий на равных, без привлечения третьих лиц и скрытых детей, бывает довольно нечастым, откровенным и кратким: *«Что сделал ты для жизни? – Не дорос»*. И снова требуется ответ: не «почему не дорос?» не «до чего не дорос?», а *«для чего не дорос?»*. Примерно для того, о чём сказано в следующем стихотворении. Для того, чтоб легче было коммуницировать с миром. Для того, чтоб занять позицию наблюдающего участника. Такую, где ты становишься малоприметной с виду, однако необходимой частью происходящего. Так удобней этот мир отражать и его исследовать:

\
я стану вещью маленькой и нужной
быть может – пепельницей
может зажигалкой
еще бы авторучкой хорошо
чтоб затеряться закатиться между делом
куда-то за диван
в карман
и в лужу
чтоб тот кто ищет точно не нашел...

Впрочем, примерка мира и различных его фрагментов на себя – это, скорее, авторская стратегия коллеги Файзова по группе «Культурная инициатива» и по читаемому нами поэтическому сборнику, Юрия Цветкова:

Олигофрен с восьмого этажа
Ходил по миру, улыбался.
Я наблюдал его и удивлялся:
Олигофрен с восьмого этажа.

Решающее значение имеет точка в финале. Без неё текст стал бы неким подобием сказки про белого бычка, а поставив её, автор переселяется в тело малопривлекательного, но загадочного персонажа. На время, конечно.

И рифмы имеют значение. Стихи Цветкова лаконичны и рифмы в них тоже лаконичны. В данном случае видим тавтологичные варианты, но чаще встречаем предельно обеднённые, на грани отдалённых созвучий, ассонансные рифмы:

Засохшая трава, кустарник и тополь
Молят о пощаде, мне это видно из окон.

Или:

По стоку ножа медленно течет густая темная кровь.
Дразнящий запах –
За окном хлещет спасительный дождь.

«Тополь-окон», «кровь-дождь» – очень даже правильные созвучия для стихов! С точки зрения поэзии, привычной несуществующему «обычному читателю», не очень правильные, но для мира где живём, более, чем правильные. Поскольку:

Здесь рифмуется все:
Земля и небо, воздух и хлеб,
Страсть и вода, огонь и забвенье.
Скучен, кто этого не замечает.
Действительно, может, не видит.

«Рифмуется всё», но своего рода держателем рифмы, то есть субъектом, связующим характеристики и свойства мира, всегда оказывается поэт. В книге есть некоторое количество переводов, в частности – из Боба Дилана, напоминающих короткие блюзы, некоторое количество миниатюр, где субъект говорения слегка размыт, но в остальных случаях мы имеем дело с прямым лирическим высказыванием; с подчёркнутым поэтическим «я».

Конечно, это самое «я» культурно опосредовано. Но сочинитель, как личность и человек, живущий в давно существующем мире, тоже ведь опосредован культурой: *Кремль. Красный забор. За ним – желтый дом.* Число семантических слоёв в небольшой строке довольно велико. Кроме непосредственного цветового восприятия и столь же непосредственного описания, мы понимаем отсылку к жаргонному названию психиатрической больницы, к зиккуратам, о чём дополнено несколькими строками ниже: *Историю надо знать, например, Древнего Востока...* да много к чему тут есть отсылки. Но всё-таки базовый слой текста упоминает не знаменитую стену из крашенного кирпича и Большой Кремлёвский дворец, а забор и дом. То есть детский взгляд в стихах Юрия Цветкова присутствует вполне.

Такой же взгляд присутствует в следующей миниатюре:

Даже вот это умение, стоя на одной ноге,
Так ловко завязывать шнурки –
Куда денется после смерти?

А ещё очевидней явлен в совсем прямой и краткой строчке: «*А как я без мамы?*». Впрочем, что значит «детский»? Как-то мы легко привыкли связывать с этим термином беспомощность, непонимание законов природы и социума, отказ от собственной ответственности. Меж тем, в стихах Цветкова всё иначе:

Отцы и дети

Родители стали детьми,
А дети родителями.

Родителей баюкаешь, кормишь с ложечки, делаешь ванны,
Жалеешь, утираешь слезы –
Беспомощные мои, любимые, единственные.

С детьми борешься, споришь,
Глаза холодные как лед, мучаешься,
Как будто ты сам подросток.
Уговоры не помогают.

Сижу в кафе, жалуясь.
Замечательный поэт, отрываясь от тарелки,
А ты хотел бы, чтобы всего этого не было?
На секунду задумываюсь.
Если в этом смысл, то
Глаза увлажнились.

Подобное восприятие можно назвать детским разве что в плане открытости миру и непосредственности первых эмоциональных реакций. Кстати, в этом тексте мы видим нечастый в стихах автора диалог. Вернее так: в отличие от стихов Данила Файзова, у Цветкова диалоги почти никогда не пересказаны напрямую: он будто производит операцию вычитания прямой речи из собственных текстов.

Тут и возникает момент сложной полярности. Полюса многомерного мира не противопоставлены взаимно. Их обитатели не всегда антиподы. Поэтический мир весь состоит из полюсов, что и показывает группа «Культурная инициатива» своим многолетним циклом вечеров, называемым именно «Полюса». Но существуют два необходимых момента:

- 1). чтобы быть полюсом, надо принадлежать миру, которому принадлежат остальные полюса;
- 2). все полюса, так или иначе, в той или иной степени, взаимно противопоставлены.

Два этих тезиса определяют проблему Другого. Одну из фундаментальнейших проблем литературы и вообще культуры последних нелёгких тысячелетий. Разумеется, «проблема Другого» – это не проблема другого, а твоя личная проблема и решать её тебе. В книге «Часть жизни» мы видим интересные варианты работы. При всей разнице подходов, варианты сводятся к точке признания «полифонического Другого»: множественного субъекта, подлежащего диалогу.

Далее начинаются важные различия, для понимания которых понадобится некая литературская гордыня. Даже двойная гордыня. Ибо попытаюсь сказать от своего имени, но принимая себя в данном случае как часть литературского сообщества. Именно с этим сообществом Файзов и Цветков коммуницируют больше, чем кто-либо иной, и больше, чем с любым иным сообществом. Коммуникации те разнообразны и многочисленны: от организации мероприятий как таковой до выслушивания огромного количества поэтических текстов на этих самых мероприятиях.

Разумеется, люди заняты любимым делом, но этот факт не отменяет огромного объёма литературной и околотрудовой информации, воспринимаемой каждым из дуэта, составляющего группу «Культурная инициатива». И далее возникает отмеченная уже разность поэтических стратегий: непрерывный и явный диалог Файзова – где-то с воображаемым, где-то со вполне реальным, но не дающим непосредственного ответа собеседником – в сравнении с «методом вычитания» Юрия Цветкова.

Вот и вся полярность. Но снова повторим: читателю важен результат. А результат, представленный в виде книги «Часть жизни» крайне интересен. Что, разумеется, главное.